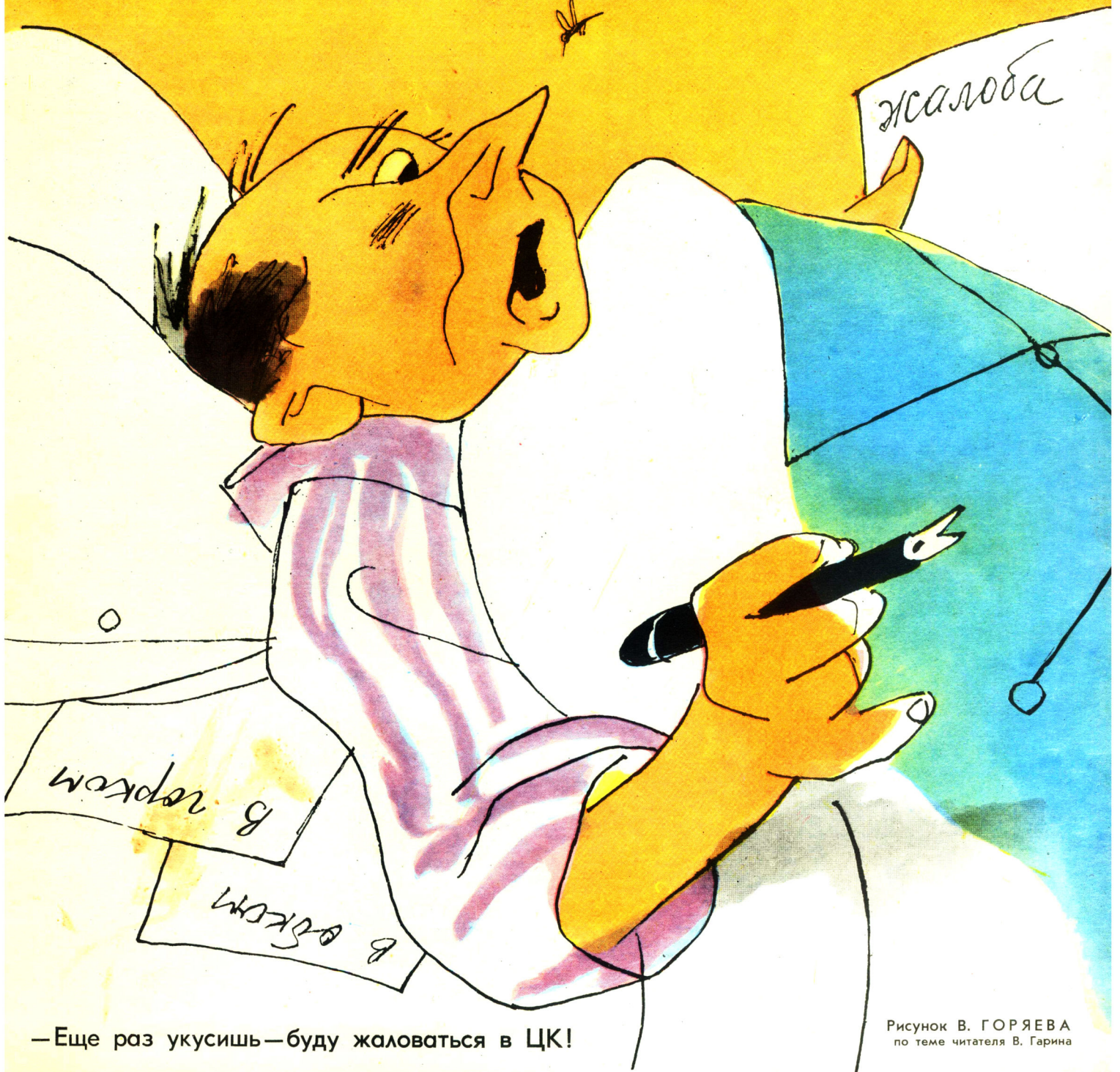

КРОКОДИЛ

№ 1 (1687)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-Й

10 ЯНВАРЯ 1963

—Еще раз укушишь—буду жаловаться в ЦК!

Рисунок В. ГОРЯЕВА
по теме читателя В. Гарина

НА ГРЕБНЕ ВАЛА

ТЕРКА ДЛЯ МУСОРА

К редактору газеты влетело молодое длинноногое дарование. В руках дарования плясал блокнот.

— Вот факты! — застрекотал кузнечиком юный репортер. — Завод металлоизделий. Колоссальный успех! Двести тонн вместо семидесяти. Представляете, вал! План!

— Так, отлично, — сказал редактор. — Но что он, собственно, выпускает, завод?

— А я, собственно, не знаю, — сказал репортер, глядя на редактора чистыми голубыми глазами.

А завод выпускал кухонные терки без дырок. Которые можно было использовать разве как совки для домашнего мусора.

Хорошее слово «вал»! Отличное слово «план»! Но когда человек переступает порог магазина, эти слова его как-то не волнуют.

Сколько ни подсовывай ему сверхплановые показатели, он упрямо отказывается от терки без дырок. Как ни радуй его валом, он не возьмет пальто, у которого карман пришит к хлястику.

— Но зачем напрасно ломать перья! — воскликнет просвещенный читатель. — Это же всем, решительно всем очевидно.

К сожалению, не решительно. К огорчению, не всем.

ХЛЯСТИК НА ВОРОТНИКЕ

Школьник, он шустрый. Простулся, встрепенулся, как воробей, — и в класс. И все бегом, бегом, даже застегнуться некогда.

Дирекция Ивановской швейной фабрики № 5 эту детскую слабость понимает. Понимает и вывод делает. Дабы пособить школьникам, петли на пальто делают, как игольное ушко. А пуговицу прищипывают, что твое блюдце. Больное полетание для детворы.

И хорошо ему, шустрому школьнику. Особенно, ежели он при пальто Березниковской швейной фабрики. В нем и в суробе повалиться не страшно и с ледяной горки без санок скользить не боязно. Не испортишь, не деформируешь, потому как оно, пальтишко, уже на фабрике скособочено. Не все пальто, разумеется, а из десяти — семь.

Пожурили работников фабрики за нерадивость. А те в амбицию: вот мы вам ужю плащей понаделаем! И понаделали: что ни плащ, то мешок из-под картошки, но с рукавами. Брак на все сто. Но зато план тоже на все сто. Ну и вал соответственно.

Та же картина и в той же раме на швейной фабрике имени Кирова в г. Орджоникидзе. И на фабрике имени Клары Цеткин в Пензе. И там и тут пошив на грани курьеза. Иные шутники забывают прострочить швы на женских платьях. Придешь в таком платье на пляж, вдохнешь озона полной грудью, а платье с тебя и посыплется. Для загара оно, конечно, удобнее. Однако в платьях ходят не только к морю.

А по части мужских пальто

пензяки, как говорится, хлястики съели. Нету хлястика. Вернее, на месте нету. А пришит он где-то поблизости от воротника. Борта у чудо-пальто висят, ровно уши у побитой собаки, а подкладка собралась гармошкой. Чем и зачем его шили, решительно непонятно.

ГЛУХОНЕМАЯ ЧАЙКА

Чайка, конечно, не соловей. Но не эта азбучная истина понуждает руководителей великолуцкого радиозавода ежегодно бить челом в совнархозе на предмет снятия магнитофона «Чайка» с производства. Просто магнитофон, сойдя с конвейера, как правило, предпочитает оставаться глухим к записи звуков и неммым к их воспроизведению.

Итак, магнитофоны молчат. А их владельцы, огорченные беспардонным уводом денег из семейной кассы, поднимают шум. Каленные монологи, начатые в кабинете директора магазина, овещаются актами рекламаций и, ежидно шурша, подводят руководство радиозавода под выговоры и иные административные воздействия.

А ведь когда-то все было хорошо. В Великих Луках делали различные радиоприемники и не делали глухонемых магнитофонов. Но на магнитофоны, как известно, спрос. А спрос, он превыше всего.

И в Великих Луках стали выпускать «Чайку». По модели, до кондиции не доведенной, и средствами производства, к этому не подготовленными.

Покупатель начал произносить монологи.

Торгующие организации принялись составлять рекламации.

Завод перестал выполнять план по готовой продукции, но стал перевыполнять его по изготовлению бракованной.

А спрос, который превыше всего, так и не обрел ожидаемого в совнархозе насыщения. «Чайка» — то молчит.

ЗОЛУШКА И ВОДОЛАЗ

Если кому-либо из жителей города Кузнецка сказать, что кто-то находится под каблуконем жены, он придет в ужас. Оно и резонно. Ибо женский каблук местной обувной фабрики весит... 400 граммов! Сами туфельки «кузнецкая золушка» потянут на два кило. Есть от чего ужаснуться.

Ну а на радость мужскому населению Октябрьская фабрика Башкирского совнархоза производит летние сандалеты на резине толщиной в словарь Ожегова. Эту модель жители сердечно называют «водолаз». Сто метров прогулочным шагом в подобных ботиночках дают владельцу право на получение значка «ГТО» второй степени. Впрочем, это даже маловато, если учесть летнюю жару и вес сандалет — почти четверть пуда!

В общем, тяжело. Но тяжело только физически. А потребителям штиблет из свиного хрома производства Краснодарской фабрики тяжело еще и морально. Эти несгибаемые, громыхающие, слов-

но фанерные ящики, штиблеты цвета цементного раствора может носить разве только коверный на манеже. Так зачем же издеваться над простыми смертными? Пусть даже по плану. Пусть даже сообразуясь с валом.

ПЕРВОСОРТНЫЙ... БРАК

Назови иного бракодела растратчиком, так он на вас в суд подаст. Я, мол, деньги гроблю не нарочно, а по объективным причинам. А в общем-то я стараюсь, принимаю все меры и прочее.

Не верьте. Не принимают бракоделы все меры и прочее. Процент для них дороже и ближе (к левому боковому карману), чем безоружный ропщущий потребитель. И примеров тому тьма. Только за девять месяцев 1962 года Государственная комиссия по качеству и торговле запретила двадцати восьми швейным фабрикам отгружать горе-продукцию.

Но бракодел не перековался. Не осознал. Более того. Если в сентябре 1962 года из каждых десяти швейных изделий одно получалось комом, то в октябре браком стало уже каждое пятое. Это убытки. Большие убытки. Но, к сожалению, далеко этим не исчерпывающиеся.

В магазинах и на складах Российской Федерации мирно покоятся без какой бы то ни было надежды увидеть свет 300 тысяч костюмов на сумму 30 миллионов рублей. И пальто на сто миллионов рублей с хвостиком. Сшиты по ГОСТу. Ни перекосов, ни деформаций. Словом, первый сорт. И все же это и первосортный брак.

Когда-то костюм из шевьюта брали с боем. Лет десять-пятнадцать назад. Сейчас от шевьютовых шедевров с боем же отбиваются и продавец и покупатель. Не напаялишь теперь его даже на самого дремучего дядю. Не хочет дядя шевьюта. Не хочет и полосатого матрасного трико. А промышленность жаждет давать именно шевьют и полосатое трико. Жаждет и дает. Так оно способнее, привычнее, бесхлопотнее.

Швейникам, вслед за текстильщиками, тоже способнее, бесхлопотнее и привычнее шить, скажем, тот же заготовленный миллиончик мужских и женских пальто по моде и лекалам купеческого Замоскворечья. От Замоскворечья давным-давно следа не осталось, а длиннополые прадедушкины одежды продолжают как ни в чем не бывало сходить с конвейера. Сойти-то сойдут, а дальше — ни с места. Так и зацепятся намертво за крючки оптовых и прочих складов. Покупателям они без надобности.

Впрочем, директоров швейных и текстильных фабрик это не волнует. Работают они по ГОСТам, план перевыполняют и устремляются на гребне вала к знаменам. Чего же им волноваться! Волнуются покупатели. Бегают они, сердечные, от витрин домов моделей к прилавкам магазинов и чертятся: несоответствие. Разительное. Потому что брак хоть он и первосортный, хоть и по ГОСТу, а все-таки брак и больше ничего. Так зачем же, спрашивается, производить терки без дырок, если даже на них есть план, но нет спроса?!

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
Г. СОМОВ

Модная болезнь

На восток навстречу вьюгам
Мчится юность — хватит сил!
Только стильным двум
подругам,
Меркантильным двум подругам
Запад головы вскружил.

В уши лезет шепоточек:
«Я сегодня не усну!
Мне бы импортный кусочек,
Ну, хотя б один платочек,
Ну, булавочку одну!»

Что Сибирь — пустое место!
Что им «дикий» Енисей!
Тени прячутся в подъезды:
Перезрелые невесты
Ищут импортных мужей.

Млеет сердце, вянут уши:
Их манит заезжий джаз.
О неоновые души,
О нейлоновые туши,
Что ж советского у вас?..

Эпиграммы

АЛОВА-ДУШКИНА

О цветы неземной красоты!
Эта девочка с траурной лентой
Поливает сиропом цветы
На могилках святых декадентов.

КАЧАЕВ-СЛЕЗКИН

Жил тенорок с душой надрывной,
Как пыль, был радиоактивный.

КРИТИК ЗУБОТЫЧКИН-СИРОНСКИЙ

Сначала изувечит,
Потом увековечит.

СЦЕНАРИСТ РЕВЕРАНСОВ

Один мужчина светский,
Закройщик от эстетики,
Кроил на лад советский
Парижские сюжетики.

ОТКУДА ТАКИЕ!

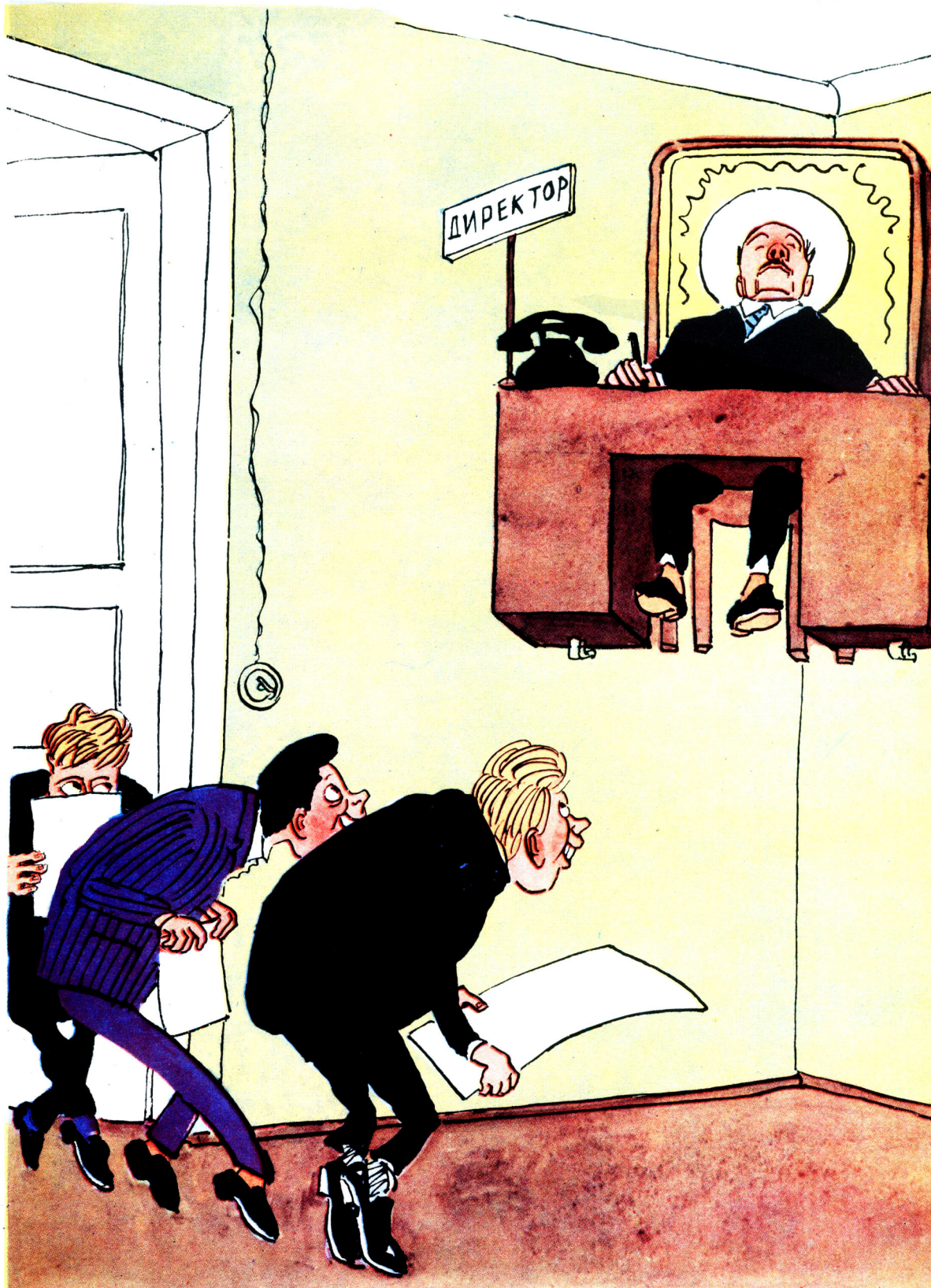
— Откуда вы? Чем дышите?
О чем вы, детки, пишете?
— Слегка из комсомола мы,
Чуть-чуть из коктейль-холла мы.

РОМАНИСТ НЕПЫЛАЕВ

Скрестив Амура
С арматурой,
Изготавливает
Конъюнктуру.

ВСЕХ ПЕРЕПЛЮНУЛ

В литературу
Он вошел,
Как входят в баню —
Нагишом.

ВОЗНЕССЯ...

СКОЛЬКО СТОИТ УХА?

Каких только удивительных историй не услышишь от рыболов-любителей! Одно лишь не отважится утверждать самый заядлый рыболов. А именно—что он когда-либо выбросил свой улов в воду. Если он решится заявить нечто подобное, то будет с ног до головы осмеян своим же братом-любителем.

А рыбакам-профессионалам в этом отношении куда легче. Рассказы капитанов рыболовных сейнеров и траулеров о выброшенных в море центнерах рыбы столь же достоверны, как, скажем, факт происхождения человека от обезьяны.

Да и как тут спорить! Только за один месяц рыбаки Примрыбколхозсоюза выловили, а затем благополучно отравили за борт 640 центнеров рыбы. А месячный план остался невыполненным.

Впрочем, на Тихом океане бывают чудеса похлеще. Например, суда Примрыбпрома в августе и сентябре выбросили за борт около 2 500 центнеров отличной сайры. Если бы эту рыбу вывалить не в океан, а в огромную кастрюлю и сварить из нее уха, то можно бы накормить, по самым скромным подсчетам, полмиллиона человек.

— А что вы хотите! — сказал нам капитан сейнера, старый морской волк, не верящий ни в бога, ни в черта, ни в благожелательные циркуляры.— Приходилось вам прогуливаться по улице в брюках, у которых одна штанина нормальной длины, а вторая едва доходит до колена? Не приходилось? А нам, рыбакам, приходится. Ибо длинная штанина — рыбодобывающий флот, а укороченная — рефрижераторный и рыбоперерабатывающий.

Капитан был суров и мрачен, как девятый вал на картине Айвазовского, но говорил правду. Рыбодобывающим судам на Тихом океане несть числа. Но это не беда. А то беда, что бедняги траулеры и сейнеры во время путны вынуждены буквально отталкивать друг друга бортами, чтобы слать рыбу рефрижераторным судам, рыбоперерабатывающим плавбазам и береговым рыбозаводам. Те и хотят, да не могут обслужить неумных добытчиков. Короткая штанина подводит длинную.

— А мы при чем? — говорят рефрижераторники и рыбопереработчики.— Что нам эту рыбу, по карманам рассовывать? У нас у самих ее только за девять месяцев испортилось 7 644 центнера, этак на четверть миллиона рублей. Не успели переработать.

Кто же кроит и шьет для тихоокеанской промышленности брюки с укороченной штаниной? Есть такие закройщики! Они заседают и в Госплане РСФСР, и во Всероссийском совете народного хозяйства. Вот им мы и советуем подсчитать, во сколько миллионов рублей обходится государству каждый год несваренная уха из выброшенной и испорченной рыбы.

В. КУЦЫЙ.

г. Владивосток.

В ДВЕ РУКИ

Руке берущего еще хватает дела.

Рука дающего еще не оскудела!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Одному только богу известно...

Агитаторы наши в былые года
По большим городам и по селам
В наступленья на бога ходили всегда
С комсомольским азартом веселым.
С ними песня была, и куплет, и памфлет,
Было ярко, смешно, интересно...
Почему же теперь прежней удали нет,—
Одному только богу известно!

В крупном хоре солист-баритон ущемлен:
Мало занят в концертной программе.
Исходя из потребностей творческих, он
Допевает по праздникам в храме.
Там без устали тембр демонстрирует свой,
С окружением спевшись чудесно...
А имеет ли голос местком хоровой,—
Одному только богу известно!

Как хорош Дом культуры в районе одном!
Ценных лекций провел он немало,
Про инжир, про Алжир, про лечение сном,
Про полезные свойства крахмала.
Про Луну, целину, детский хор, кругозор —
Все солидно, доступно, уместно...
Но когда про сектантов пойдет разговор,—
Одному только богу известно!

Выполняет свой план в нашем городе храм,
Несмотря на живучее мнение,
Что в космический век собираются там
Лишь кликуши одни на моление.
А туда коммунист заходил не один,
Там не только по праздникам тесно...
Сколько ж в храме венчаний прошло и
крестин,—
Одному только богу известно!

Да, безбожников многих нельзя в наши дни
Заподозрить в воинственном пыле:
О свободе религии помнят они,
А свободу безбожья забыли.
Дескать, вера — весьма деликатный вопрос,
Тут в атаку идти неуместно...
И когда в атеистов вселился Христос, —
Одному только богу известно!

Пока спали дети...

— Захватчики! — бегая по кабинету, истощенно вопил директор опытно-картофельной станции кандидат сельскохозяйственных наук Пleshаков. Он получил донесение, что на территории станции расположен пришкольный участок школы № 33 и, руками учеников разбит сад.

В кабинет был срочно вызван агроном Панкратов.

— Забирай всех умеющих держать топор и пилу. Начнем с сада. Декоративных и плодовых ягодных не жалеть! — напутствовал директор бравого агронома.

В сад ворвались на рассвете.
— Руби, круши! — гремел в утренней тишине воинственный илич Панкратова.

Молодцы старались. Рубили сплеча яблони, выдергивали, как сорную траву, тоненькие вишни, предавали огню кусты золотистой смородины.

Когда школьники пришли на уроки, операция была закончена. Сад представлял собой кладбище деревьев. Рыцари картошки, утирая пот, предостерегающе кричали детям:

— Будете знать, как на нашей земле сады разводить!

А. ДУХИНА,
Л. МАКСИМОВА и др.

г. Симферополь.

ВИЛЫ В БОК

ЗАРАПОРТОВАЛСЯ...

Из Назаровского района Александра Ивановича Теплова за развал совхоза перебросили на исправление в соседний, Ачинский район. Чтобы искупить свою вину, он должен был поднять до уровня передовых Нагорновский совхоз.

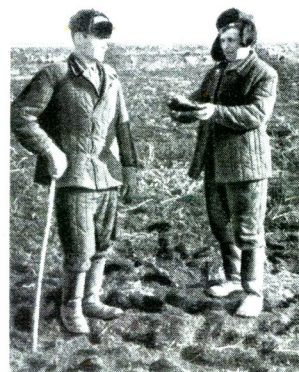
У нового директора дела пошли как по маслу. Обязался первым отрапортовать начальству об окончании уборки сахарной свеклы:

— Докладываю, свекла убрана.
И тут же по отделениям пошла команда:

— Свеклу... запахать.
Но упрямый корнеплод уродился такой, что никак его не удалось упрятать под землю. Его прячут, а он снова вылезает на поверхность.

Поглядели-поглядели чабаны Зерцальской бригады Михаил Лукич Лященко и Антон Платонович Елфимов да запустили на 20-гектарный массив необранной свеклы отару овец.

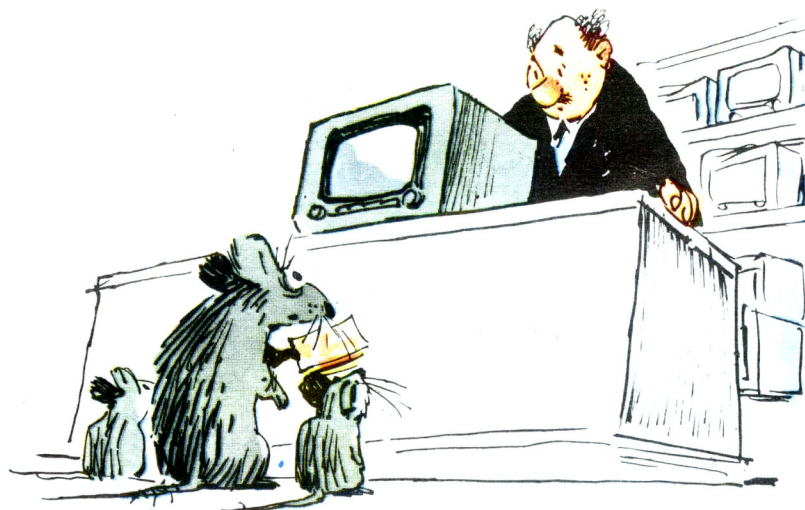
— Не пропадать же такому калорийному корму!

Но не успели барашки «убрать» всю свеклу. Им помешала зима-злодейка. Налетела, окаянная, и запорошила сладкие корни снежком.

Вот теперь нужно рассудить: кто повинен в гибели свеклы — медлительные овечки или зимушка-зима?

Н. СЕЛИНЕВИЧ

г. Ачинск,
Красноярского края.

— Вот мы тут сложились на телевизор... У нашего кота бессонница.

Рисунок Е. МИГУНОВА

СВИНКИ и ПАСЫНКИ

— Ну-с, ежели нет возражений со стороны мотора, можно трогать.

Это сказал шоферу друг мой Колька. Ехали мы оба в совхоз «Азовский». Собственно, ехал-то я, а Колька присоединился как попутчик, ему нужно было дальше. Но «Азовский» был ему хорошо знаком, и поэтому он пичкал меня советами всю дорогу:

— Ты послушай меня, не ошибешься. Будешь проверять в совхозе факты, учти, что факты — это не штаны.

— В каком смысле не штаны?

— А в таком, что факты наизнанку не вывернешь, хоть тресни. А факты таковы: в «Азовском» отличные специалисты. Свое дело крепко знают. Теоретически подкованы. Практически — смекалисты до удивления. А уж трудолюбивы, точно муравьи!.. Что ухмыляешься? Думаешь, иронию навожу? Нет, браток, истинная правда. Возьмем хотя бы главных: директора Зайцева, зоотехника Красного, инженера Ланина, ветврача Зверева. Ведь какой это народ! Коли для дела нужно, сами наперегонки мчатся в бухгалтерию фураж выписывать. Сами его в кладовой по-скорому получают. Больше того, сами живность кормят. Курица, к примеру, набирает свой зоб, а директор лично следит, нет ли у хохлатки пониженного аппетита. Или там корова. Жевала-жевала, и вдруг глаза у нее затуманились печалью. Инженер Ланин тут же смекает, что буренка водички пожелала испить. Сам

позаботится, напоит: пей, мол, кормилица.

— Пусть так, — пожал я плечами. — Но каковы результаты?

— Превосходные! — воскликнул друг Колька. — Хрюшке едва стукнуло десять месяцев, а в ней уже восемь пудиков с гаком. Не всякому знатному свинару удаются такие привесы, каких запросто достиг главный ветврач Николай Александрович Зверев. Недавно, когда его подопечную хавронью в город под нож увозили, так у него в глазах слезы гордости дрожали.

— Погоди! — остановил я друга. — Но действует ли их личный пример на...

— На других? Еще как! — подхватил Колька. — Обязательно познакомься поближе с заведующим птицефермой Гавриилом Павловичем Удовенко. Человек, можно сказать, день и ночь с пернатыми в обнимку. У него курочки и в крещенские морозы не бастуют, несутся.

— Удовенко?! — поразился я. — Странно. У меня вот письмо. Тут сообщают, что в совхозе отдали богу душу, а тело земле тридцать девять тысяч голов птицы.

— Сколько? — переспросил Колька. — Тридцать девять тысяч? Брехня. Не соответствует действительности. Вот подsunут непроверенные данные и подведут прессу... Интересно, а что там еще пишут?..

Колька вырвал из моих рук письмо и стал читать:

— «...обрадовались совхозные буренки, что отныне будут жить культурно. Побеспоч-

коились о них наконец директор Зайцев и главный инженер Ланин. Механизмов накупили уйму. Но не тут-то было. Вся эта «механизация» валяется со дня приобретения в Азове...»

И тоже неверно, — заметил мой друг. — Будем читать дальше: «...удивительно, что совхозные боровки, свинки и даже крупнорогатый молодняк оказываются порой созданиями не менее хрупкими, чем курочки. На первом отделении, к примеру, за одну ночь сохло восемь телят. Этот телечий мор не произвел, однако, на ветврача Зверева сильного впечатления... На 30 ноября план по продаже яиц государству в совхозе едва одолели на половину с небольшим...» Э, стоп, приехали, — перебил сам себя Колька. — Вылазь. А я дальше поеду. Сам тут разбирайся.

Когда машина отъехала, из кабины высунулась голова Кольки. Он мне что-то кричал и махал рукой. Я еле разобрал слова: «сынки и пасынки». Но что они означали? Разгадать эту загадку не было времени.

Для начала я отправился на свиноферму № 2. Там я увидел свинару, которая мужественно отбивалась от прозно наступавших на нее поросят. Между нами завязалась беседа. Правда, протекала она в затрудненных условиях: от дикого визга лопались барабанные перепонки и слова слышались, как сквозь пургу.

— Почему так визжат поросята? — вопил я.

— Чего?! — кричала свиноварка. — А, почему визжат? Интересуются, дадут ли им сегодня кушать.

— Разве в совхозе плохо с кормами?

— Чего?! Нет, корма есть. Подвезти надо.

— Некому привезти, что ли?

— Чего?! Нет, подвезти есть кому. Порядка навести некому.

— А начальство? Где начальство, спрашиваю!

— Известно где. Трудится. Начальство у нас трудолюбивое, — с непонятной улыбкой закончила свиноварка беседу словами Кольки.

Я пошел дальше. Разбираться так разбираться.

А когда разобрался, получилось нечто весьма удивительное. Как ни странно, Колька оказался прав. В письме, сигнализировавшем о безобразиях в совхозе, было очень много неточностей!

Во-первых, издохло не 39 тысяч, а 43 700 голов птицы.

Механизмы, купленные для коров, не валяются в Азове. Они уже привезены и валяются теперь в совхозе.

Колька оказался прав и в своей характеристике совхозного начальства. Действительно, оно очень трудолюбивое, можно сказать, ночей недосыпает, куска недоедает в трудах и заботах.

Не покладая рук трудятся совхозные специалисты... в своих личных хозяйствах, а вовсе не в совхозном. И потому у них и коровки доятся сливками, и курочки золотые яички несут, и свинки жиром заплывают. Не в пример совхозной худобе.

Перенимая опыт директора Зайцева, главного ветврача Зверева, зоотехника и инженера, коммунисты В. Пуханов и И. Применко добились также серьезных успехов: их курочки им несли уже не золотые яички, а каждому по легковой машине. Почти вплотную за лидерами идет партгрупорг отделения И. М. Зайцев, владелец двух голов крупного рогатого скота, двух свиной и нескольких десятков птицы. Не отстают от руководящих передовиков и другие.

И теперь мне все совершенно ясно.

Но что же все-таки хотел сказать мне мой друг Колька словами «сынки и пасынки»? При встрече я его обязательно спрошу.

КАРУСЕЛЬНОЕ ПОГОЛОВЬЕ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Ростовская область.

В. ФРОЛОВ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

День, уходя, говорил Вечеру:

— Ты плетешься за мной!

— Нет,— отвечал Вечер,— я иду впереди Завтрашнего дня.

Кто работает на совесть, а кто и на других заказчиков.

Он не мог расстаться с ней в дни ссор: зуб не рвет тогда, когда он болит. А когда наступало примирение, расставаться уже не хотелось: нет смысла рвать зуб, когда он перестал болеть.

Ледниковый период прошел. Наступил период холодильниковый.

В секретном отделе бог хранил тайны мироздания.

Нарушение моды королями становится модой для их подданных.

Притихшая, с обручальным кольцом на пальце, она походила на окольцованную птицу.

Гости сидели до тех пор, пока не вышли на пенсию.

Правая рука его не знала, что делает левая. А левая брала взятки.

Покойник не отвечает за то, что делается у него на похоронах.

Пишет про закаты, рябину, пташек. А сквозь строчки видно: подлец!

В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как уходит жизнь.

Он давно уже считался известным писателем, но никто об этом не знал.

Неудержимое желание писать. Упорнография.

— Сначала ей нельзя было возражать, чтобы ребенок не родился нервный, потом — чтобы молоко не иссякло. Ну, а потом она к этому привыкла.

Разношенные, как домашние туфли, удобные, небеспокоящие мысли.

От волос у него осталась только расческа.

Он не был ей спутником на дальние расстояния. Довел до греха — и бросил.

Исписанная бумага либо дешевле, либо дороже чистой. Смотря по тому, кто ее исписал.

Жили безалаберно, но весело. Всегда к обеду были гости, и всегда не хватало денег на сметану к борщу.

В глупости человек сохраняется, как шуба в нафталине.

Брак — это мирное сосуществование двух нервных систем.

Не кичись тем, что стихи твои на устах у девушек. Губная помада тоже не сходит с их уст.

Мемуарист помнил все, до последних мелочей. Он не помнил только, где потерял рукопись своих мемуаров.

У Пушкина была няня. Это хорошо. Плохо, когда у писателя семь нянек.

Она привыкла к готовым мнениям, как к кулинарным полуфабрикатам: они облегчали ей приготовление духовной пищи.

У него была хорошая память на плохое и плохая — на хорошее.

Ссорясь, они швыряли друг в друга стульями, но ни семейной жизни, ни мебели это не вредило. Семья была крепкая, мебель — тоже.

Гейне говорил, что мир раскололся и трещина проходит через сердце поэта. Теперь это называют инфарктом.

В своей шубке мехом наружу она походила на того хищника, с которого был снят этот мех.

— Где это комиссия по приемке дома застряла?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

СУРМИЛОВА (так же). Темно! В коллегии управления введут! В ЦК союза выберут!

СИНИЧКИН (так же). А на кой ляд тебе ЦК, когда ты уже в обкоме ноги протягивать собираешься?

СУРМИЛОВА (вне себя). А народная Союз? СИНИЧКИН (хватаясь за голову). С ума сойду! Конечто этому есть?

СУРМИЛОВА (так же). А я почему знаю? У белки в колесе есть конец? Путь актрисы — лезу без памяти к невиданным высотам.

СИНИЧКИН. Тогда твоя правда, легче сразу помереть.

СУРМИЛОВА. Раню! Вот осуществляю последнюю мечту — в кино сыграю, снимусь в роли королевы-матери, — тогда и хороните свою Сурмилову.

СИНИЧКИН. Чего же перед смертью еще в кино-то мучиться!

СУРМИЛОВА. За кино все отдам. Там сразу — хлоп и... народная Союз. А с народной меня, может, и в горсовет выберут!

СИНИЧКИН (махнул рукой). Правильно! Тогда тебе еще одно мероприятие на себя взять надо — помочь молодым артисткам. (Показывая в ая наверх.) Это тебе тоже там зачтется!

СУРМИЛОВА. Я же тебе сказала, что с Лизой все будет в порядке. Во вспомогательный состав я ее без показа устрою.

СИНИЧКИН (вне себя). Как?! Моя дочь — во вспомогательный?! Ты, значит, комсостав, а она вспомсостав?!

СУРМИЛОВА. А ты чего хотел?

СИНИЧКИН. Я думал, ты ей свою роль уступишь!

СУРМИЛОВА. Какую роль?

СИНИЧКИН. В сегодняшней «Вечерней стерне». Героине же по роли двадцать лет!

СУРМИЛОВА. Так что ж, я первый год, что ли, двадцатилетних играю? Нахальство какое! Роль на

телевидении, за которую меня, может быть, в худсовет студии назначат. И отдать эту роль бездарной девчонке!

СИНИЧКИН. Моя дочь?.. Ах ты, мать... королева!

ЛИЗА. Папа!

СИНИЧКИН. Телевидение ей понадобилось! (Сурмиловой.) Ты пенсионеров побойся, которые от телевизоров не отходят. Ты знаешь, что такое десять тысяч пенсионеров? Это двадцать тысяч ругательских писем!

СУРМИЛОВА (оскорбленно). Массовка вы были — массовка и остались. И сам ты массовка, и дочь твоя массовка! (Гордо уходит.)

СИНИЧКИН. Массовка! Подумаешь, профсоюзная королева-мать, а еще в телевизор лезет. В кино прорваться хочет...

ЛИЗА. Да в кино я хоть сегодня могу ей нос утереть.

СИНИЧКИН. Сегодня?

ЛИЗА. Если она хочет знать, он просто гарантировал, что меня утвердят!

СИНИЧКИН. Кто гарантировал?

ЛИЗА. Сосед по гостинице. Ты его только что видел.

СИНИЧКИН. Кто? Этот юноша из ГИТИСа?

ЛИЗА. Он не из ГИТИСа, он с «Мосфильма».

СИНИЧКИН (в ужасе). С «Мосфильма»?!. И он приехал за тобой?

ЛИЗА. Не за мной, а за лягушками. Но он ищет Офелию.

СИНИЧКИН. Тогда при чем тут лягушки?

ЛИЗА. Совершенно ни при чем. Как все в кино.

СИНИЧКИН. Значит, он их все-таки ест?

ЛИЗА. Нет, он их снимает.

СИНИЧКИН (жалобно). Лиза, умоляю, не пугай меня, скажи мне всю правду, даже самую страшную! Он предлагает тебе сниматься, да?

ЛИЗА. Сейчас я тебе все покажу! (Уходит в переднюю, тут же возвращается с

листком бумаги.) У меня нет секретов, папа! Читай!

СИНИЧКИН (читает). «Голубушка...» Уже «голубушка», негодяй!.. «Голубушка! Завтра последняя кинопроба! Такими фильмами, как «Гамлет», не кидаются. Роль — ваша! Бросайте свой спектакль, и летим. Жду вас в восемь часов вечера в аэропорту». Какая низость!

ЛИЗА. Видишь! Но я категорически отказалась!

СИНИЧКИН. Ты действительно мое дитя! Забудем же об этом и порвем эту гадость!.. (Вдруг останавливается.) Стой, ну, Раиса! Значит, моя дочь вспомсостав, да? Так я же тебя прочту!

ЛИЗА. Что ты еще придумал?

СИНИЧКИН. Письмо же без имени. Давай гостиничный конверт! (Лихорадочно вкладывает записку в конверт, надписывает.) Заслуженной артистке Сурмиловой! Вот. Теперь это не ты — голубушка, это она — голубушка. И она, голубушка, как миленьяка будет сидеть в аэропорту и смотреть по телевизору, как ты, голубушка, играешь ее роль!..

ЛИЗА (вселю). Чистый додевил!

СИНИЧКИН. Он самый, моя прелесть! Лизонька, в театр! Теперь каждый получит свое: ты — свою роль, я — свою мечту, а лягушачий заготовитель — как раз то, к чему он стремился, — крупную старую жабу. Вперед! (Поет.)

Вперед, дитя мое, вперед!

Пусть не в ландо — в автомобиле,

В театр дорога нас ведет,

Как в том старинном додевиле!

ЛИЗА (поет).

Вперед, отец, вперед скорей!

Пушкой еще Раиса в силе,

Но мы свинью подложим ей,

Как в том, старинном додевиле!

Конец первой картины.

(Продолжение следует.)

СЛУЧАЙ С АННОЙ КАРЕНИНОЙ

- Что же вы поезд пропустили?
- А мне через месяц на пенсию.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

— С тех пор, как Ганс стал резервистом бундесвера, приходится держать автомобиль под дождем.

Рисунок Ф. ПАВЛОВИЧА

Бане ДЖУРИЧИЧ

СЛОВО АДЕНАУЭРА ДЕПУТАТАМ БУНДЕСТАГА

Конрад прогнать себя не даст вам!

Карьера кончится моя,
Когда захочет государство!
Но... государство — это я!

ЗАПАДНАЯ ПРЕССА О СОВЕЩАНИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ В ЖЕНЕВЕ

Кто слух пустил, что сдвигов мало,
Тот ложь беспорную сказал:
Есть сдвиги: из второго зала
Все перешли в девятый зал.

Перевел Б. ЮДИН.

Миле СТАНКОВИЧ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОН

Все хотят видеть красивые, занимательные сны. Но вместо этого во сне падают в пропасть, удивляют от крокодилов, несогласов и кредиторов, борются с медведем и цинклопом. Подобные волнения отрицательно влияют на нервы, и человек просыпается ошеломленный, неспособный к труду.

Лично я натренировал свое подсознание, и теперь мне снится только то, что я хотел бы видеть во сне. Охотнее всего в своих снах я нарушаю правила уличного движения.

— Для меня правила не существуют. Я сам хозяин своих снов, и поэтому могу делать все наоборот,— говорю я регулировщикам, отезжаю от них и гоню со скоростью свыше ста километров в час прямо сквозь густой муравейник пешеходов. Но прежде, чем мне уйдетса ного-нибудь переехать, слышу свисток регулировщиков.

— Ваши водительские права! — говорят они.

— Бессмысленная затея! Вы ничего не можете мне сделать! — спокойно отвечаю я.

Они делают от ворот поворот и записывают номер моего автомобиля. Я же просыпаюсь и раздражаюсь громовым смехом. После этого в отличном настроении отправляюсь в учреждение. И с наслаждением ожидаю, когда меня снова начнет разбирать сон.

Чувствую, что мне опять уйдетса разозлить этих двух регулировщиков!

Я гоню свою машину по левой стороне, проезжаю по тротуару, останавливаюсь посреди перекрестка, на полном ходу влегаю в помещении банка и торможу у окошечка кассы, а два мрачных регулировщика подвезают, чтобы научить меня уму-разуму.

— Имею разум только на экспорт! — подшучиваю я, чувствуя полную свою безнаказанность.

— Просим предъявить! — упираются они. — Ничего это вам не даст. Сейчас я проснусь, а у вас останутся водительские права человека, который спит, как утес.

Целый день я придумываю, как в следующий раз вызвать столкновение на главной улице. И действительно, вызываю столкновение. Появляются два регулировщика.

— Достаточно вы нас мучили! Сейчас мы вас вылечим! — говорят они и начинают составлять протокол.

— Что сегодня у вас на обед? — спрашиваю я одного из них. — Держу пари, что вы уже два часа гадаете, что вам сварила жена...

— Он почему-то проглатывает обиду. А я продолжаю игру:

— Разве вы не помните меня по моим прежним снам?

— Хорошо помним! — говорят они и грозят следственными органами.

Люди вондур размахивают кулаками, обвиняют меня в дерзости.

Наверно, он сбежал из сумасшедшего дома!

— Опять я над вами подшутил,— шепчу я регулировщику, который находится ближе ко мне. — Сейчас я возьму и проснусь.

— Было бы самое время,— цедит он сквозь зубы.

Действительно, самое время потянуться в своей кровати и досыта поспать над этими навязчивыми людьми...

Я попытался проснуться, но мне это не удалось. Я ущипнул себя: больно! Вот черт, оказывается, я бодрствую! Сижу в автомобиле и слушаю угрожающий ропот толпы.

Вот так сон! Сон человека, получающего 28 тысяч динар в месяц! Не так уж много!..

Раньше был настоящий сон, а теперь... Теперь — столкновение! И не могу понять я только одного:

— Откуда у меня автомобиль при такой зарплате?

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Вукадин АЧИМОВИЧ

ТОЧКА

«Что же делать?» — спрашивает сам себя главбух Дебелич. Он сидит за письменным столом, уставясь в циферблат. Прошел, вернее, прополз, с грехом пополам только один час рабочего времени.

Дебелич выдвигает один за другим ящики стола. Ничего интересного... Все бумаги давно подписаны и подколоты. Вчерашняя газета прочитана насквозь. Хоть бы кто зашел поболтать...

Глаза Дебелича слипаются. Ах, как хорошо! Стыдно... Чтобы взбодриться, главбух применяет проверенное средство: на чистом листе бумаги рисует кружочки.

Поначалу дело идет здорово: кружки изпод карандаша выскакивают четкие, как выведенные циркулем. Постепенно они оплывают, превращаются в эллипсы, эллипсы переходят в спираль, потом слабая извилистая линия ползет к краю листа, карандаш выскальзывает из размякших пальцев и падает на пол...

«Опять задремал, фу, какой позор!.. — вскинул головой Дебелич. — А если бы увидели? Обойду, пожалуй, комнаты. Встряхнусь».

Дебелич протер глаза, поправил галстук и мощным усилием воли заставил себя оторваться от мякого сиденья.

Он появился в дверях бухгалтерии и внимательным взглядом обвел подчиненных. Их никак нельзя было обвинить в безделье.

Машинистка решительно ударила пальцем по клавишу и поставила точку в конце фразы. Молодой счетовод торопливо достал из пиджака авторучку, раскрыл папку и тоже поставил точку. Лысый служащий поправил очки и трижды подчеркнул красным карандашом итоговые цифры баланса.

Дебелич хмыкнул и направился в соседнюю комнату.

Здесь его ждала та же загадочная картина. Рыжеволосая старая дева тщательно вырисовывала точку. Красивая канцеляристка в свитере в обтяжку, завед Дебелича, бросила журнал мод в открытый ящик, задвинула его коленкой, схватила ручку и поставила точку на первом попавшемся документе.

«Опять точки! Да что они, сговорились, что ли?» — подумал Дебелич и поплелся в свой кабинет. Там он опустился в родное, уютное кресло и принялся размышлять, почему так получается, что он приходит к подчиненным именно в тот момент, когда они ставят точки. Почему? Странно и интерес...

Дебелич сладко посапывал, когда вдруг скрипнула дверь в кабинет. Он вздрогнул, качнулся вперед к столу и, схватив карандаш, поставил на вчерашней газете жирную точку.

Перевела Я. КУНИНА.

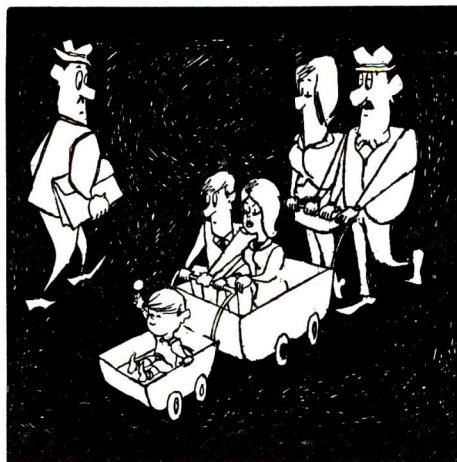

Рисунок В. КАТИЧА

— Товарищ директор скоро освободится!

Рисунок Н. РУДИЧА

Мистеру Эдварду Мэрроу,

руководителю американского
информационного агентства,
Вашингтон, округ Колумбия

Сэр!

В передачах «Голос Америки» и в различных изданиях, при помощи которых вы пропагандируете за рубежом «американский образ жизни», мы не раз сталкивались с утверждением, что только капиталистическое общество может способствовать созданию гармонически развитой личности. Мы не раз слышали, что только в США бизнесмены любят играть на флейте, гангстеры вечно ходят перепачканные в краске из-за увлечения абстрактной живописью, а рабочие большую часть времени проводят с клюшкой для гольфа в руках.

Само собой, при этом авторы передач не забывают поскорбеть о тяжелой доле советских людей, которых приковывают цепями к электронным микроскопам, бьют батогами для быстрого выведения очередного космического корабля на орбиту и заставляют даже во сне не расставаться с гаечным ключом.

Но давайте посмотрим, мистер Мэрроу, как же конкретно воспитывает высокогармоническую личность главный американский педагог — большой бизнес. Перед нами несколько различных вопросников-«тестов», при помощи которых большинство крупных компаний определяют, что представляет собой кандидат в служащие.

Тест по системе доктора Бернрейтера, например, сразу же берет быка за рога. Вот первые три вопроса:

1. Склонны ли вы к раздумьям?
2. Находите ли вы, что книги могут быть интереснее собеседников?
3. Способны ли вы провести вечер в одиночестве за чтением!

Стоит только будущей гармонически развитой личности ответить положительно на любой из этих вопросов, как его карьеру можно смело променять на стертый цент. Зачем фирме нужен человек, склонный к раздумьям? Пускай остается безработным и раздумывает себе сколько угодно. А бизнесу нужны веселые, энергичные роботы, которые двадцать четыре часа в сутки способствовали бы притоку долларов. Или книги. Служащего должны интересовать только два издания: библия и бухгалтерская книга. Причем первая больше для порядка, поскольку непосредственных дел с господом фирма не имеет. Ну, а о третьем вопросе и говорить не приходится. Боже избави порядочную фирму от анархиста и шизофреника, способного докатиться до того, чтобы целый вечер читать книгу! Такой и поджечь сможет, тьфу, тьфу, тьфу!..

Е. К. Стронг, профессор Стэнфордского университета, изобрел другой тест для тех же целей. Кандидат должен высказать свое отношение к таким вещам, как:

**длительные прогулки,
симфоническая музыка,
картинные галереи.**

И горе тому недоразвитому моральному уроду, который любит хоть что-нибудь из трех предложенных вещей. Нормальный служащий не должен гулять, он должен лишь веселиться в указанное начальством время. А если он — страшное дело! — ходит в консерваторию, то не спутает ли он дебет с кредитом и не начнет ли выстукивать вальсы Шопена на пишущей машинке?

Тест доктора Кудера предлагает кандидату на вакансию посетить на выбор одно из трех мест:

Закупка Англией ракет «Поларис» для подводных лодок ложится тяжким бременем на финансовый бюджет страны.

Пошел на погружение...

Рисунок Бориса ЛЕО

**музей,
фабрику кассовых аппаратов,
рекламное агентство.**

Дурак может взять да и брякнуть, что хотел бы сходить в музей. Умный же знает, что любовь к музеям в Америке ассоциируется с безработицей. Нет, умный тут же сообразит, что сказать. Он заплачет и возмутится. Он скажет, что его жестоко обидели таким вопросом. Его, человека, который с грудного возраста мечтал провести половину жизни на заводе кассовых аппаратов, а другую — в рекламном агентстве, — его спрашивают о музее! Да ему, можно сказать, вместо соски давали кассовый аппарат!..

Так не кажется ли вам, мистер Мэрроу, что если большой бизнес и воспитывает американцев, — его спрашивают о музее! Да ему, можно сказать, вместо соски давали кассовый аппарат!..

бота? Робота, в чью пустую черепную коробку закладывается составленная хозяином программа, как производственная, так и политическая.

Что же касается «угнетенных» советских людей, то все они, пожалуй, с треском провалились бы по любому из названных нами тестов. Ведь они любят и почитать, и музыку послушать, и прогулять, и в музей сходить. Что делать, остальные мы люди, тестами не пользуемся.

Но как же, уважаемый мистер Мэрроу, все-таки быть с вашим утверждением о гармонически развитом бизнесмене? Или действительно между денежным мешком и роботом по изготовлению долларов существует гармония? В таком случае вы правы...

В ожидании ответа
З. ЮРЬЕВ.

ЗА ДАЛЕМ — ДАЛЬ

То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит, то Платочкин Игорь Савельич хмурит брови и сердито размахивает указательным перстом.

— В нашей стенгазете в меня на днях стрельнули словечком. Кинулся я к словарю Даля проверить, что такое «Помпадур». Что же вы думаете? «Помпа» есть. Это насос. А про «дур» ни звука. И тут-то у меня родилась мысль насчет Даля. Надо его кое-чем дополнить и кое-что разъяснить.

После новой паузы Платочкин, директор издательства «Подметки и рукава» (ПИР), продолжает свою речь:

— Итак, Владимир Даль — составитель словаря. Давайте по отношению к нему проявим инициативу. Никто до этого не додумался, а вот наше издательство для такого дела созрело. Покажем всем, что мы, как сказано у Даля, не лаптем щи хлебам.

— И на руку охулку не кладем, — добавил Костик. — Это тоже сказано у Даля.

Платочкин косо посмотрел в его сторону.

— Вы еще молоды, Костик, чтоб воевать реплики в речь руководителя. Продолжаю... Итак, хочу заострить ваше внимание на Дале.

— За Далем — Даль, — про-

изнес Костик театральным шепотом.

— Итак, что я хочу сказать? — продолжал директор. — Словарь Даля — это большой научный труд. Не всякому дано разобраться в нем. Такая уйма всяких слов! Нужен путеводитель по словарю.

— Кому? — спросил Костик. — Кому это нужно? И вообще при чем тут наше издательство? Какое отношение мы имеем к словарям? Мы должны выпускать брошюры по ширпотребу. Наше дело — «ПИР» — подметки и рукава.

— Ах, Костик, Костик! — вздохнул директор. — Что мне с вами делать? Ничего не понимаете. Да, вы правы: словарь — не наш профиль...

— И даже не наш фас.

— Не мешайте, Костик. Вы еще молоды, чтоб мешать. Повторяю: да, словари как будто нас не касаются. Но мы свои люди, и я могу откровенно сказать: наши брошюры... того-с...

— Вернее, не того-с...

— Без вас, Костик, знаю, что того-с и что не того-с. На наши брошюры население не набрасывается...

— Набрасываются рецензенты.

— Без вас, Костик, знаю, кто не набрасывается и кто набрасывается. И прошу не вступать

со мной в пререкания. Сам знаю, что о нашей книжечке «Штаны как таковые» написали, что ее, видимо, сочинил сапожник... Вот какие дела!.. Тем более, значит, надо налечь на Даля. Человек он проверенный. И, кроме всего прочего, Даль подымет наш авторитет и наш бюджет. Ясно? Товарищ Куделька! Отложите в сторону брошюру о роли жилетки в одежде положительного героя. И доложите ваши соображения.

— Дорогие товарищи! — воскликнул Куделька с энтузиазмом. — Сейчас мы должны дружно бороться за подъем культуры. А словарь Даля хотя и не наш объект, но все-таки культура. Тем более что в словаре немало слов по ширпотребу — говорится и об одежде и об обуви. Тысячу раз прав Игорь Савельич (улыбка и поклон в его сторону): нужен путеводитель. Страна задыхается от отсутствия такого пособия... По поручению Игоря Савельича я поработал над этим вопросом. Мне удалось установить, что в словаре у Даля тридцать пять букв, включая ять, фиту и ижицу. Три последние буквы до сих пор не реабилитированы. Но тем не менее их нельзя игнорировать.

— Особенно ижицу, коли ее проишут нам.

— Костик, прекратите зубоскальство! Продолжайте, товарищ Куделька.

— Слушаюсь, Игорь Савельич. Итак, тридцать пять букв. Предлагаю: на каждую букву выделить бригаду из пяти человек. Итого, значит, сто семьдесят пять душ. Кроме того, нужен руководящий штаб во главе с Игорем Савельичем — человек двенадцать. Таким образом, включим в работу сто восемьдесят семь сотрудников.

— Маловато! — тяжело вздохнул Костик.

Директор позеленел.

— Тише! — закричал он начальственным голосом. — Тише! Я согласен с докладчиком. Я одобряю его предложение... Бросим на Даля сто восемьдесят семь штатных единиц! Что? Что такое? Кто там шумит? Опять вы, Костик?

— Я пока молчу.

— Кто же шумит? Кто такой?

Ясно и четко, будто хороший диктор, кто-то невидимый произнес:

— Говорит Владимир Даль! Говорит Владимир Даль! Напоминаю, что весь толковый словарь составил я один, одна штатная единица. Весь словарь — от А до ижицы!

Г. РЫКЛИН

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Знаешь, я выменял свой сафлон на мотоцикл.
— Не может быть! Где ты нашел такого чудана?
— Не нужно было и искать, сам навязался. Это мой сосед.

Инспектор останавливает на шоссе машину, мчащуюся с недозволенной скоростью.
— В чем дело, водитель, почему вы превышаете скорость? — спрашивает он у шофера.
— Видите ли, у меня отказали тормоза, и я стремился быстрее попасть в гараж, чтобы избежать аварии.

Одного американского юмориста как-то спросили, откуда он берет сюжеты для своих рассказов.
— Я их не выдумываю. Я просто внимательно слежу за действиями американского правительства и потом точно излагаю факты.

— Сколько я вам должен за удаление зуба, доктор?
— Сорол долларов.
— Если не ошибаюсь, перед удалением вы говорили о десяти долларах.
— Да, но своими воплями вы спугнули из приемной трех пациентов.

Самым лучшим врачом я считаю мистера Томпсона. Когда я заболел, меня пользовали пять докторов. Они пичкали меня разными лекарствами и вытянули из меня все мои сбережения. Но легче не стало. Тогда мне посоветовали обратиться к самому лучшему, но зато и самому дорогому врачу — мистеру Томпсону. Я позвонил. Оказалось, что он уехал в Европу. Мне тут же полегчало.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

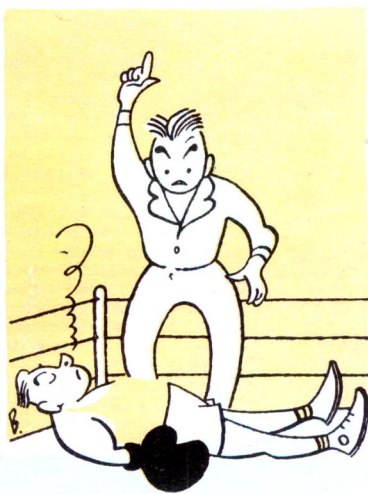

— Что с ним делать? Твоих проповедей о христианском смирении наслушался!

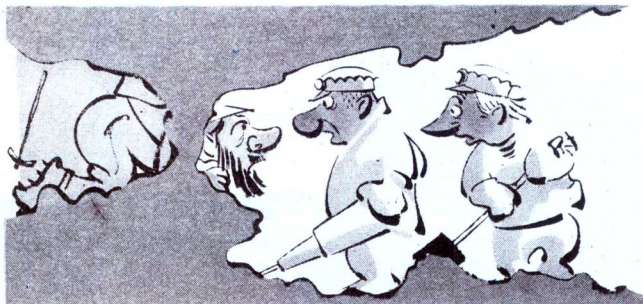
Рисунок И. СЫЧЕВА

Восемь... девять... десять... валет... дама... король...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

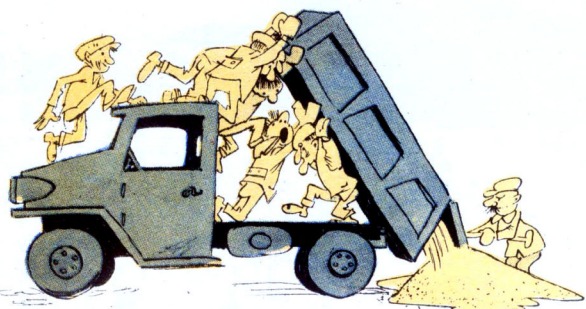

ПРОХОДКА В ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТАХ

— Тыфу ты! Опять на археолога напоролись!

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Тоже самосвал.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

В рядах судебных защитников мой друг, адвокат И. Д. Краковяк, занимает особое место. Правильнее даже сказать, что он стоит вне рядов: настолько самобытно и ярко его дарование. Илья Диогенович — сущий клад. Он готов любой ценой (начиная со 150 рублей новыми) не то что отвести, а оторвать напрочь десницу закона, нависшую над повинной головой.

Вот образец блистательного адвокатского красноречия моего друга Ильи Диогеновича Краковяка:

— Товарищи судьи! Перед вами на скамье подсудимых сидит человек, на которого в силу трагического недоразумения легло черное, как деготь, пятно незаслуженного обвинения. Смыть это пятно — святой долг правосудия, ибо не осуждения, а восхищения достоин мой подзащитный — Гурий Харитонович Залепухин.

Да, мы знаем, что на складе фабрики «Красный ридикюль», где работал мой подзащитный, была обнаружена крупная недостача кожсырья.

Да, мы знаем, что во мраке ночи с 14 на 15 октября Г. Х. Залепухин доставил с фабрики к себе на квартиру два тука кожи общим весом в 60 килограммов.

Ну и что? Разве эти факты хоть в малейшей степени бросают тень на славное имя Г. Х. Залепухина? Никоем образом!

Поскольку в течение дня Залепухин не успел справиться с огромным объемом работы, он в бурном порыве трудового энтузиазма привез сырье домой. Он намеревался протереть кожи мокрой тряпкой и к утру вернуть их чистыми на фабрику. Вот она, эта тряпочка, товарищи судьи, неопровержимое свидетельство святых побуждений моего подзащитного! (И. Д. Краковяк выдергивает из кармана носовой платок сверхсрочной службы и победно им размахивает.) Прошу приобщить к делу.

Такова неприкрашенная истина. Увы, арест 15 октября помешал Г. Х. Залепухину осуществить его добрые намерения. Но это уже не вина, а беда моего подзащитного.

Далее. Значительную роль в обвинении играют показания свидетеля сапожника Манюня Д. Д. Манюня утверждает, что днем 10 октября к нему на дом пришел Г. Х. Залепухин и спросил: «Тебе кожа нужна?» При этом, по словам Манюня, Залепухин вынул из-за пазухи кусок кожи.

Следствие не задавалось вопросом, а почему 10 октября свидетель Манюня Д. Д. находился дома, а не в мастерской. Между тем это обстоятельство имеет решающее значение. Защита располагает неопровержимыми данными о том, что в этот день Манюня Д. Д. находился на больничном листе по причине левостороннего флюса. Г. Х. Залепухин был малознаком с Манюней. Но, узнав о том, что человек попал в цепкие объятия болезни, он ринулся на помощь. По велению сердца, не раздумывая, Залепухин идет к больному и говорит ему: «Тебе нужна моя кожа? Возьми ее!» Все мы читали в газетах о мужественных, благородных людях, которые предлагают свою кожу для пересадки больному товарищу. Мой подзащитный — один из таких людей. В нем есть, я бы даже сказал, что-то от чеховской «Чайки» с ее знаменитым: «Если тебе нужна моя жизнь, возьми ее». Манюня Д. Д., человек мящанского, приземленного мышления, в силу своей ограниченности был не способен догадаться, что лоскут кожи, извлеченный Залепухиным из-за пазухи, был кожей самого Залепухина.

Прокурор. Флюс не лечат посредством трансплантации кожи.
Краковяк И. Д. Вот вам хорошо, вы культурный, товарищ прокурор. А у моего подзащитного нет высшего образования. И на журнал «Здоровье» он не подписан. Он действует стихийно, по зову совести.

Прокурор. Образец кожи, показанный подсудимым свидетелю Манюне, имел черный цвет.

Краковяк И. Д. Это уже интимные подробности, товарищ прокурор, и я не уверен, вправе ли мы их касаться при открытых дверях.

Так отпадает еще один пункт обвинения.

Когда читаешь имеющееся в деле написанное полудетским почерком наивно-трогательное письмо Г. Х. Залепухина к его матери, нельзя поверить, что это письмо вышло из-под пера расчетливого и циничного преступника. «Уважаемая мамаша! — пишет мой подзащитный. — Мне не повезло. Кажись обратно заболела. Вроде будут оперировать. На случай послеоперационной диеты прошу вас, мамаша, засушить мне ржаных сухарей. Надеюсь вы будете носить мне в больницу передачи, как и во время прошлой моей болезни. А я уж, как выздоровлю, вас не забуду и отблагодарю. Мамаша, еще прошу беречь, как зеницу ока, мои маленькие серенькие книжечки. Помните, что я собирал эту библиотечку, не жалея ни сил, ни времени».

Товарищи судьи! Мы читаем этот волнующий человеческий документ, и перед нами во весь рост встает образ любящего, заботливого сына и страстного библиофила.

Я прошу суд учесть и то обстоятельство, что мой подзащитный очень молод. Ему не исполнилось еще и пятидесяти двух лет. У него все впереди. Вспомним, что Гете закончил своего «Фауста» в возрасте 82 лет. Можно не сомневаться, что такой талантливый и целеустремленный человек, как мой подзащитный Г. Х. Залепухин, еще напишет своего «Фауста». Если, разумеется, вы не травмируете его легкоранимую душу суровым приговором.

Я прошу оправдать Залепухина Г. Х., хотя бы во имя его будущего «Фауста»!

Я кончил.

М. ВИЛЕНСКИЙ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Когда я попросил, чтобы удалили с собрания А. Н. Иванова, так как он был пьян, Кошелев и Пискунов ловко спрятали Иванова под свои авторитетные крылышки. Но Иванов выкарабкался из-под авторитетных крылышек и учинил скандал».

(Из письма в редакцию)
Доставила Н. БАРАНОВА

«Ростовские городские бани сообщают на Ваш № 12992...»

Письмо, поступившее к Вам от гр-ки Смирягиной Г. В., является фантазией, но и к фантазии администрация обратила внимание и приняла ряд соответствующих предупреждающих мер.

Директор горбани Куликов».

«Сообщаю, что указанные лица... гр-н Апанасенко И. В., Каракуленков Н. Г. и Безбородов вызывались в райотдел милиции и в отношении содержания поросят и от выше указанных лиц отобраны подписки об уничтожении их на мясо.

За начальника отдела милиции (подпись)». Прислал Н. ИВАНОВ
г. Ярославль.

«Работники связи честно изо дня в день несли свои обязанности по работе, твердо ступая ногой в завтрашний день...»

(Из письма в редакцию)
Отобрала Н. СЕРЕБРЕННИКОВА

Помогите!

Обычно о редакционных ошибках говорить не любят, а если и говорят, то лишь чеканной прозой приказа: «За проявленную халатность...» Причем проза эта носит в некотором смысле интимный характер, так как предназначена не для широкой аудитории, а лишь для сотрудников, виновника, отдела кадров, изредка для бухгалтерии.

Мы же, к сожалению, вынуждены рассказать о нашей ошибке всем читателям, так как другого выхода у нас практически нет. Впрочем, по порядку. На днях наши художники принесли в редакцию две книжки. Одна называлась «50 лет современного искусства» и напечатана в Брюсселе, другая — сочинение профессора Хельмута Реннерта «Отличительные черты творчества шизофреников», изданная недавно в ГДР.

Репродукции произведений абстрактного искусства и творчество душевнобольных так поразили нас своим сходством, что мы решили напечатать их в Крокодиле. Однако еще до того, как клише были изготовлены, один из сотрудников, которому было поручено написать пояснительный текст, самым непростительным образом затерял где-то обе книги.

Вся редакция, включая уборщиц и курьеров, превратилась в художественных экспертов. Мы разложили перед собой шесть репродукций. Известно было, что три из них — это картины абстракционистов, другие три — картины больных. Кроме того, у нас были выписки, сделанные незадачливым сотрудником. Вот они:

«Признаки шизофренической живописи включают в себя искажение (аморфоз) образного выражения, линейный, плоскостный или фрагментный распад форм. Для критериев содержания характерна беспредметность, бесформенность (аморфность)».

Это, безусловно, из книги профессора Реннерта. Из книги «50 лет современного искусства» были приведены следующие цитаты:

«Картина американского художника Виллема де Коонинга «Новости» характеризуется фигуративной манерой в сочетании с яркой экспрессивностью...»

«Французский художник Альфред Манесье любит чисто абстрактные пластические формы с мистической атмосферой... Такова его картина «Ночь».

«Итальянец Вазальделла Афро отличается новой эстетической концепцией абстрактной формы, особенно ярко проявившейся в его картине «Черная хроника».

— Да,— сказали мы друг другу,— ну так где что?

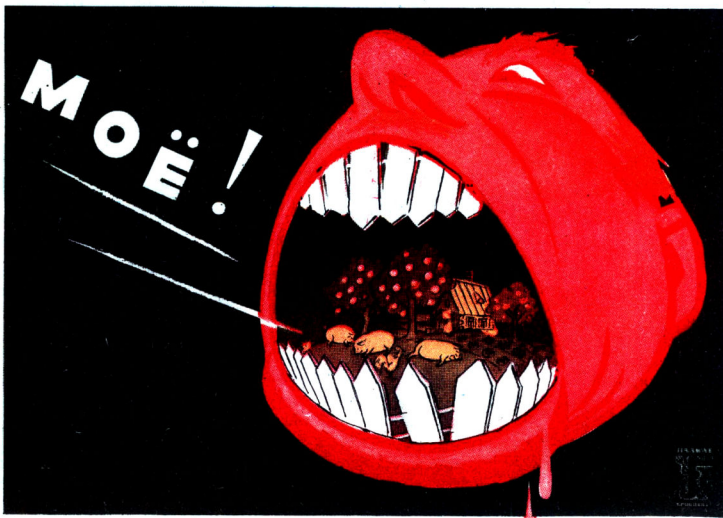
Везде была пластика, мистика, абстракция, экспрессия, аморфоз и аморфность. Но мы не знали, где «Ночь» и где бред безымянных больничных пациентов, не представляли, где «Черная хроника», а где иллюстрации, приведенные немецким профессором.

Позвали знакомого критика, знатока и ценителя абстрактного искусства. Критик прочел наши выписки и воскликнул:

— О, де Коонинг? Это замечательно! Афро? Ново, ново!.. Ва, да еще сам Манесье!

Когда же мы попросили его уточнить, где что, критик герстал восхищаться, сослался на плохую погоду и ушел.

Типография не ждала. Мы признали свое поражение и решили предоставить самим читателям возможность выбора между абстракционистами и сумасшедшими. По теории вероятности кто-нибудь, может быть, и угадает. Ждем писем.

Если вы увидите в совхозном клубе, на ферме, тону или у здания правления колхоза сатирический плакат с эмблемой журнала, знайте — это издание имеет к Крокодилу самое прямое отношение. Вот уже год Крокодил выпускает сатирические плакаты на сельскохозяйственные темы. По заказу достаются в них любителям очковратительских сводок и скоропелых победных рапортов, разного рода лодырям, врачам, тунелдцям. Только что вышел из печати и рассылается подписчикам третий ком-

плент, состоящий, как всегда, из 10 многограссочных плакатов. На этот раз «вилы в бок» получили ярые поборники показухи, «нахлебники-фкусники», скармливающие государственный хлеб своим свиньям, прозаедавшие руководители и т. д.

Плакаты выполнены художниками Крокодила Бор. Ефимовым, А. Каневским, Борисом Лео, Г. Вальком, А. Елисеевым и М. Скобелевым, А. Цветковым, Е. Щеголовым. Стихотворные подписи поэтов А. Безыменского, Ю. Благова, С. Швецова.

ВНИМАНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНИЙ, КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ!

Заказы на приобретение третьего комплекта плакатов Крокодила принимаются районными конторами связи. Стоимость комплекта — 80 копеек.

Продолжается также прием подписки на плакаты Крокодила на 1963 год.

Подписная плата на год (4 комплекта по 10 плакатов в каждом) — 3 рубля 20 копеек.

Подписка принимается без ограничения во всех отделениях и районных конторах связи.

Издательство «Правда»

Центральная розничная контора «Союзпечать»

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00234. Изд. № 1840. Подписано к печати 29/XII 1962 г. Формат бум. 70×108%. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 3565. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

